

Прежде чем взяться за перо, писатель Виктор СЛИПЕНЧУК сменил множество профессий: геологоразведчик, рабочий, зоотехник, моряк, рыбовод, журналист... Это дало ему богатый материал для литературного творчества. Наш постоянный автор стал лауреатом множества литературных наград и премий, его книги регулярно переиздаются. В издательстве «Художественная литература» вышло 9-томное собрание сочинений, многие произведения писателя переведены на иностранные языки. Накануне великого, священного для каждого жителя страны праздника публикуем этот пронзительный рассказ Виктора Слипичука.

ЯКОВ Антонович, припадая на левую ногу, ходил взад-вперёд возле полуторки, ожидая и страшаясь поезда. Но он не пришёл, точнее прийти — пришёл, детей не привёз. На душе отлегло. Садясь в машину, он видел посветлевшие лица доярок, но как осуждать их. Он попросил Геннадия Пушкарёва остановиться возле колхозного клуба и, пока не скрылся за кирпичной пристройкой, чувствовал на себе молчаливый взгляд баб.

В тот день с помощью художника он перенёс полный текст телеграммы на обратную сторону киноафиши и вывесил на тесовом заборе напротив детсада.

«На днях Хабаровским скорым отправляются дети Дмитриевский детдом. Обеспечьте встречу. Отправку. Усыновлению населением не перечить. Верно. Полковников».

Телеграмма была отправлена из Владивостока накануне праздника, и этим её некоторая бестолковость оправдывалась. Во всяком случае, для Якова Антоновича Хвоща, одинокого мужика, бывшего бригадира колхоза «Путь социализма», а теперь председателя сельсовета.

«...Не перечить». Он представил сутолоку больших вокзалов, опаздывание поездов, неразбериху, станционный кипятик с привкусом алюминия, пассажиров на крышах и подножках вагонов, настроенных во что бы то ни стало, а первую годовщину Победы отмечать непременно дома, и уже знал — телеграмму отправили загодя в расчёте на всеобщее понимание: детям — места в первую очередь. Он глубоко вздохнул. Вполне возможно, не Полковников, а полковник такой-то. Впрочем, если обошлось без путаницы — тогда тем более хорошо, что у отправителя такая звучная военная фамилия. Яков Антонович был уверен, что и на председателя колхоза она как-то повлияет, и он не откажет в машине. «Конечно, он и так не откажет — дети... и всё же военная фамилия по нынешним временам очень даже неплохо», — думал Яков Антонович, мысленно намечая порядок предстоящих ему работ.

В первый день они выехали на станцию после обеда.

Неожиданно сообщили, что из Спасска к ним прибывает какой-то московский, выбившийся из графика. Яков Антонович, шкандыбая, прибежал на молочно-товарную ферму и, на счастье, застал Геннадия Пушкарёва (приехал с обеденной дойки, въезжал в ворота). Яков Антонович только что дал снять фляги с молоком, а дояркам приказал сидеть.

Влезши в кузов и перебросив непослушную ногу через лавку поближе к кабине, вынул из нагрудного кармана кителя телеграмму и, прочитав вслух, махнул Геннадия, чтобы погнался.

— Там, девчата, всё обсудим... скорым со Спасска сорок минут ходу, как бы не опоздать.

Доярки, минуту назад весело поглядывавшие на своего бывшего бригадира, пригорюнились: это же что, лишний рот в дом?

— Э-хе-хе, — громко, будто за всех вместе вздохнул Яков Антонович. — Усыновлению населением не перечить.

Он подтянул ногу: как тут перечить? Два дня назад приезжал директор детдома, наскребли по сусекам мучки да своего жмыха, с расчётом до июля, с нового полугодия элеватор обещал пособить, теперь не хватит... Яков Антонович опять глубоко вздохнул, и бабы, чувствуя, что их бывший бригадир совсем уже зажурился, заговорили: о батуне, который довольно-таки поднялся, о редиске, по такому теплу и она к двадцатым числам наберёт, о крапивном супе, в общем, жить можно.

На станции, оставив полуторку на привокзальной площади у коновязи, покрашенной под шлагбаум, Яков Антонович зашёл к дежурному по вокзалу. Дежурил Игнат Воронько, мужик занозистый и скандальный.

Сейчас Игнат изумлял своей вежливостью, точно дорогого гостя посадил Якова Анто-

вича на свой стул, сам сел на лавку. Разрешил полуторку подождать прямо к перрону. Объяснив, что если понадобится, он задержит поезд.

— Пусть потом телеграфируют, что, мол, Черниговка задержала. А то, понимаешь, стоянка три минуты. Они, эти пассажиры, катя, а того не разумеют, что станция Мучная — это и есть Черниговка, и что она районный центр. А от так, если маленько подзадерживать, то...

Якову Антоновичу никогда не приходилось быть свидетелем Игнатовых рассуждений, и он очень удивился — такому человеку, как Игнат, нельзя давать власти, все его ограничения и послабления всегда будут противозаконны. Однако его разрешением воспользовался, полуторку подождать к перрону, чтобы дети ещё с поезда увидели и порадовались машине. Да и стоять... лучше здесь.

Дома, невольно стыдясь душевного облегчения, испытанного на вокзале, Яков Антонович мысленно укорял себя: ещё ничего не известно — хорошо это или плохо, что дети не приехали именно сегодня. Возможно, завтра он не привезёт и доярок.

Так оно и вышло. Они стояли на дощатом перроне вместе с директором детдома Дмитрием Ивановичем Коломбиным, а чуть внизу, за нестройным рядом торговков, тоже ожидающих поезда, стояла пустая полуторка с приткнутым к борту довоенным велосипедом. До обеденной дойки было часа два, полдень ещё только вступал в силу. В молодой сочной зелени как-то тягуче гудели крылатые музыканты, муравьиноподобные насекомые. В их паутистом нгыте день изнывал, томился. Иногда со стороны речки упругими порывами налетал ветер и словно бы смывал паутину. Рукавастый пиджак Дмитрия Ивановича вскидывался, округлые очки взблескивали, он походил на длинноногую умную птицу. Сходство с птицей придавало очки и острый длинный нос. Казалось, что именно носом Дмитрий Иванович всё что-то высматривает.

Но и на этот раз детей не привезли. Помогая затаскивать велосипед в кузов, Яков Антонович сказал директору, чтобы завтра он не приезжал: мыслимое ли дело, на велосипеде по такой дороге? Пусть лучше подготовятся к встрече, завтра День Победы, может, какую самодеятельность организуют, в некотором роде праздничный стол. А здесь на вокзале они с Геннадием Пушкарёвым сами справятся. Якову Антоновичу не хотелось, чтобы

ДЕНЬ

Дмитрий Иванович приезжал, ещё и потому, что надеялся: завтра детей привезут. И хотя дети есть дети, люди, а всё же люди стараются разобрать больших, красивеньких. Те, кто останется... Надо, что-

бы им обрадовались в детдоме, и в первую голову директор, Дмитрий Иванович, тут его чувства нужно поберечь, не расплескать.

— Ежели что... десятого приезжайте. Да и то... загодя позвоните, — посоветовал Яков Антонович.

За ночь несколько раз просыпался из-за тяжёлого натужного гудения бомбардировщиков — учебные полёты. Выходил на улицу, смотрел на сияющую взлётную полосу аэродрома, потом на чёрное усыпанное звёздами небо — Млечный Путь, чуть накренившись, лежал, точно озеро в озере. Шорох листьев, сладковатый запах яблонь, холодная колодезная вода, отдающая свежим срубом, вдруг отзывались в душе мучительной тоской по прошлой неудавшейся жизни. Яков Антонович

пришла бабка Кляня, присматривающая за его нехитрым хозяйством, выставила к завтраку стакан наливки. Он искренне удивился: с чего бы? И тут же вспомнил: праздник, День Победы. Чувство окрепло, и час от часу в нём нарастала уверенность: сегодня произойдёт что-то такое, что круто изменит его жизнь.

И хотя он старался не думать об этом, приехав на вокзал, нисколько не удивился, что встречающих поезд баб — не в пример вчерашнему — много и почти все они записались у него как желающие взять ребёнка на усыновление. Тут же на траве возле станционной водокачки, похожей на силосную башню, побирушки разложили на тряпицах хлеб, лук, сало. «Верно бутылку «вермута» тоже припасли», — ни к чему подумал Яков Антонович и едва не налетел на Реньку Воронько, брата начальника вокзала, безногого мужика, чёрного и кудлатого, приросшего к деревянной тележке, похожей на самокат, которую он размашисто кидал вперёд так, словно она была частью туловища.

— Что, Яков, назвал народу? — густым сиплым голосом, пугающим детей и собак, радостно спросил Ренька и, ловко вильнув, покотил к водокачке, держа в подоле обрубков блеснувшую на солнце бутылку красной.

В другой раз такая встреча со всей этой Ренькиной компанией вряд ли обрадовала бы Якова Антоновича, а сейчас и она по-своему помогла хорошему чувству. «Все — люди, все — люди». Глядя, как со стороны крупозавода и элеватора подходят ещё люди, подтянулся, одёрнул китель, стряхнул пыль с галифе: за свежее обмундирование бабле надо спасибо сказать, надоумила. Услышав разлихватые переливы гармошки, улыбнулся: сообразуется праздник, самый настоящий сообразуется. Пошёл к машине, с достоинством поднял голову, стараясь как можно меньше припадать на левую ногу — всё же он здесь какая ни есть, а власть. Однако ощущение себя как власти улетучилось тут же, как только начальник вокзала объявил, что скорый со Спасска выехал — детдом в четвёртом вагоне. Раз за разом, доставая блокнот, чтобы убедиться, что список родителей, пожелавших усыновить ребёнка, при нём, и прежде всего натякаясь на свою фамилию, Яков Антонович не только не помнил, что ему надлежит сохранять подтянутость, но не помнил себя самого. Так что, когда поезд остановился и все, хлынув к четвёртому вагону, вдруг почувствовали необходимость присутствия власти, потребовалось некоторое время, чтобы вызволить Якова Антоновича из задних рядов в круг, в котором два начальствующих проводника, размахивая свёрнутыми сигнальными флажками, оттесняли встречающих от вагона. Собственно, это они потребовали присутствия власти.

— Где власть?! Где? — нетерпеливо справился один из них, и толпа, словно она представляла собой одно-единственное лицо, молча оглядела себя и исторгла Якова Антоновича. Теперь он был — как бы все они. И всё же он оставался Яковом Антоновичем Хвощем, жителем Черниговки, одиноким мужиком, потерявшим на войне жену и сына и решившим сегодня, сейчас, усыновить ребёнка.

Он увидел спускающуюся по ступенькам молоденькую женщину в коричневом жакете и чёрной шляпке; вуаль, украшенная звёздочками, закрывая лицо, придавала ей нелепую для этого случая маскарадную загадочность. Ступив на перрон, она лёгким кивком откинула вуаль и придержала рукой. В глаза бросились высокие набивные плечи жакета, приподнятые, словно под ними таились сложенные на спине крылья.

— Товарищи, кто здесь из Дмитриевского детдома? — услышал он звонкий взволнованный голос, но не сразу сообразил, что голос принадлежит молоденькой женщине, потому что люди вокруг тоже заволновались, отхлынули от вагона: он увидел свалившегося с самоката Реньку Воронько, бьющегося падушкой. «Ах ты, горе какое!» Неизвестно, как бы обернулось всё, не будь городская учи-

уходил в избу, ложился на широкую твёрдую, как полати, кровать и засыпал. И опять над ним словно бы нависал рокот самолётов, который, как это бывает только во сне, начинал медленно переливаться в рокот тракторов. Какое-то время Якову Антоновичу слышится стрекот сенокосилки, и он всё дальше и дальше уходит с литовкой к реке, высматривает Полю. Вон бежит с кастрылькой: Яша! Они садятся возле шалаша. Легко, вольно вокруг, повядшая за день трава пахнет, томит, а в небесах прогалинах голубизна, кажется, это их с Полей души, разливаясь, сливаются.

— Коля! Где наш Коля? — спрашивает он, и Полина вдруг отступает, отступает. И уже в военном городке. Груды развалин, пожарище. Перебитые деревья валяются, кора висит, как рваная одежда, и белизна из-под неё, страшно взглянуть, человеческая. Яков Антонович увидел ограду, оторванный пролёт запутался в телеграфных проводах, сердце прыгнуло, задохнулось, словно кто-то свинцовым сапогом наступил на грудь. Розовенький носочек, зацепившийся за штакетину, трепыхался на ветру, кричал, плакал: пап-ка-а! Яков Антонович вскидывался, просыпался, опять уходил на улицу...

К рассвету полёты кончились. Опершись о забор, Яков Антонович смотрел в расширившееся пространство неба, и так же необъяснимо, как ночью всё навева-ло тоску, так сейчас — предчувствие какого-то счастливого исхода. Это новое чувство его немного пугало — чего ему ждать? Но потом

ПОБЕДЫ

тельница, как мысленно окрестил её Яков Антонович, такой крепенькой, такой славенькой, такой находчивой.

Хотя щёчки порозовели, она не растерялась, обратилась к народу громко, твёрдо. Особенно хорошо, что громко, ведь важно каждому всё услышать и переварить самому. Она, конечно, торопилась, начала со второстепенного: прижимая к груди ридикюль, достала бумаги, зачем-то стала перечислять одежду и обувь, которые передаются Дмитриевскому детдому наряду с тремя ящиками игрушек, а также постельным бельём и одеялами, в количестве сорока комплектов. И то сказать, страшновато смотреть на Реньку — живую обрубку, а уж в припадке и вовсе страх.

Пока Яков Антонович, слюнявя химический карандаш, расписывался в соответствующих бумагах в получении, Геннадий Пушкарёв, не поддаваясь общей растерянности, вместе с проводниками выносил на перрон ящики, сундуки. Последний, с постельным бельём (сундук из красного дерева, тяжёлый и громоздкий, со старинными вензелями на бронзовых пластинах), пришлось тащить с остановками, мешала девочка лет двенадцати по имени Ольга, вцепившаяся в торцовую ручку рядом с Геннадием. Худая, в застиранном платье жёлто-серого цвета, наголо остриженная и босая, она вызвала чувство досады и жалости. На все просьбы отстать, отцепиться насупливалась, глаза выпуклые и светлые обесмысливались, она точно каменела, ещё крепче сжимая ручку. Когда же сундук начали тащить, она, словно просыпалась, всеми силами помогала, видно было, как от напряжения выпирают лопатки. «Погодь, погодь, надсадишься», — останавливал Геннадий, но в работе она преображалась. Становилась ловкой, смекалистой и ещё немножко суетливой, впрочем, как и все женщины, вынужденные отсутствие физической силы возмещать рвением. Опережая всех, она мелькала то здесь, то там и теперь была как бы главной хозяйкой поезда. Перед тем, как стаскивать сундук по ступенькам, прикинули: как оно, чтобы лучше?.. Ольга засветилась, выскочила на подножку, ждёт, сообразила, что принимать сундук сил понадобится поболее. Её усердие не осталось незамеченным, бабы ласково и сочувственно наблюдали: каку такую помощь она окажет мужикам?

Не дотягиваясь до сундука, Ольга прыгнула на перрон, схватилась сбоку и всё же пособила. «Смотри ты, помощница», — расчётливо громко заудивлялись бабы, и мужики, ухмыляясь, по-новому взглядывали на Ольгу. Чувствуя на себе эти взгляды, она ещё больше старалась. Яков Антонович тоже заметил её лёгкую порхающую фигуру, но его отвлек Игнат Воронько. Приказав мужикам перенести в вокзал приведённого в чувство Реньку, он подскочил к Якову Антоновичу с намерением задержать поезд. Городская учительница, пряча в ридикюль подписанные бумаги, опередила: — Зачем задерживать? Документы подписаны, имущество вот, — она указала на сундуки и ящики, стоящие на перроне. — А детей... Ольга! — позвала она, но так как никто и не отозвался, решительно подошла к сундуку, возле которого, точно окаменев, застыла босая, остриженная наголо девочка в жёлто-сером застиранном ситцевом платье. Минуту назад смекалистая и проворная, она, тупо уставившись, смотрела на бронзовый окрас сундука. Стуча крепкими массивными каблучками, молодая женщина уверенно подошла к ней.

— Ну что ты как каменная?

Она несколько резковато взяла Ольгу за руку, но та, неожиданно отпрянув, вырвалась, схватилась за сундук. Молоденькая женщина растерялась, лицо залилось румянцем, порозовели даже руки. Внезапно испугавшись, что сейчас заплачет, побледнела.

— Товарищи, — голос дрогнул. — С Днём Победы вас!..

Заранее заготовленная фраза, которую городская учительница хотела произнести с пафосом, оборвалась. Она почувствовала в гру-

ди горячее покалывание и ещё обиду за молчаливое отчуждение баб, они словно отодвинулись от неё. Пересиливая приступ, городская учительница вдруг стала жаловаться быстро, сбивчиво, что хочешь, как лучше, а получается... Она не должна была ехать с детдомом, она ехала во Владивосток сама по себе, а её попросили, а сегодня на вокзалах тьма народа, в Имане и Спаске детей разобрали, а вещи и Ольга остались, потому что Ольга спряталась... Конечно, она жаловалась, не надеясь на сочувствие, ей было обидно, но странное дело, бабы теперь как будто придвинулись к ней.

Неожиданный гудок паровоза, резкий и свистящий, заглушил её, поезд тронулся. Молоденькая женщина бросилась к вагону, на ходу прося всех, чтобы Ольгу доставили в детдом вместе с документами и имуществом. Напоследок, с площадки тамбура, крикнула: «Оленька!» Помахала крепдешиновым платочком, который прижимала к губам, удерживая кашель, и уехала. Ничего не осталось от неё, разве что только крик, ударивший Якова Антоновича в самое сердце: «Коленька!»

Ответно взмахнув рукой, Ольга вытянулась, удерживая взглядом крепдешиновый платочек, а потом опять сникла, вцепилась в сундук, будто в нём было всё её спасение. «А ведь так и есть, — подумал Яков Антонович, невольно представив на Олькином месте себя. — Должно быть, это ужасно, когда разбирают твоих товарищей, а ты почему-то знаешь, что тебя не выберут, не возьмут,

Якову Антоновичу никогда не приходилось быть свидетелем Игнатовых рассуждений, и он очень удивился — такому человеку, как Игнат, нельзя давать власти, все его ограничения и послабления всегда будут противозаконны.

и вынужден загодя прятаться от обид в этом огромном спасительном сундуке».

— Отойдите, девочки, расступитесь маленько, — попросил он и, подойдя к Ольке, положил на плечико свою большую ладонь. — Хочу показать ей наши бошки.

Бабы как стояли, не шелохнувшись, так и продолжали стоять. Им говорили об усыновлении, и вдруг девочка, к тому же одна, это казалось невероятным. «Сейчас они очнутся», — ждал Яков Антонович, мысленно радуясь, что ход события сам собою попал в его руки и надо только не выпустить.

— Что тебе, Яков?

Теснясь, бабы расступились, обнаружив в конце рваного коридора бельмастого Сашку Безверова со своей двухрядкой на коленях. Он сидел на траве, по-татарски поджав босые ноги, лицом прямо на солнце, но это от того, что люди теперь его не загораживали.

— Наш Сашка-музыкант, — сказал Яков Антонович и, чувствуя, как Олькино тельце напряглось, успокоил: — Да ты не бойся его, он наполювину зрячий, а голову закидывает для острастки, попрошайничает.

Криво усмехаясь, Сашка сплюнул, но бабы одёрнули: окстись, тебя сиротинке показывают.

— А я что, а я ничего, — суетливо дёрнулся Сашка и тоже повернулся вслед общему взгляду, подставив солнцу запятаистую, точную коровий зализ, плешь.

— Видишь, за крышами, синие?

Осторожно подняв голову, Ольга вскрикнула:

— Ой, близко!

Бабы согласно закивали: дескать, так, так... А Яков Антонович возразил: близко, но не совсем, вот ежели бы от его хаты, тогда другое дело. Ольга не успела и глазом моргнуть, как он подхватил её и поставил на сундук.

— Маленько вбок смотри, видишь деревья — колхозный сад. А вправо — аэродром. А с этой стороны сада, что к нам, — мазан-

ка, белый дом под цинковой крышей — он и есть.

Чувствуя, к чему клонит председатель, бабы разделились: одни приняли сторону Якова Антоновича, другие зароптали — разве так привечают? Пирожок бы ей, конфетку, приголубил бы, а он водрузил на сундук — смотри. Что она там увидит? Мужик, он и есть мужик, мать ей нужна. Яков Антонович и сам понимал: может, не так оно надо, да уж как умеет. Ежели Ольга выберет его — кой в чём, конечно, бабка Клэня пособит, а так сам будет и за отца, и за мать.

— Геннадий, там, в машине узелок на сиденье, принеси, — попросил Яков Антонович, отирая рукавом пот. — Ну что, Ольга, нашла?

— Яков, ты ровно маленький, — осудили бабы, но он и сам знал, что увидеть дом невозможно, ему этот разговор с Олькой нужен был сам по себе, как разговор. Но она вдруг привстала на цыпочки.

— А труба какая, кирпичная?

— Кирпичная, — подтвердил Яков Антонович.

— А крыша покатая?

— Покатая.

— Тогда вижу, во-он, возле сада, — сказала Ольга.

Яков Антонович, не скрывая горделивого превосходства, так взглянул в сторону роптавших, что они невольно притихли.

— Правильно, возле, — радостно согласился он и так же быстро и легко, как поставил её на сундук, сейчас снял.

Яков Антонович был уверен: Ольга не видела дом. И в то же время не сомневался — видела.

— А знаешь, Ольга, я тоже один, как и ты, совсем один.

Он вдруг заволновался и замолчал, подыскивая и не находя нужных слов.

Воротился Геннадий Пушкарёв с гостинцами бабки Клэни. Уловив Олькин осторожный взгляд, с каким она следила за узелком, бабы всполошились, вспомнили о своих припасах. Яков Антонович хотел опередить их, но как на грех не мог сыскать концов марлевой завязки. «Эх, бабуля-бабуля», — горестно подумал он, кладя узелок на сундук и стараясь успокоиться тем, что мужик, он и есть мужик. Бабы вытаскивали пирожки, шанежки, сахаристый хворост, домашнее печенье, мёд и всё это протягивали Ольке: возьми, дитяtko, испробуй. Испугавшись обилия еды, она отступила вплотную к Якову Антоновичу, который, уже ни на что не надеясь, рассеянно отирал с лица пот, и вдруг со свойственной ей взрывной энергией Ольга схватила узелок и, помогая зубами, в два счёта ослабила завязку, осталось только потянуть её, чтобы развязать. Польщённый Олькиной помощью, Яков Антонович осадил баб:

— Да погодите вы... у нас всё есть.

Он развернул марлю, и глазам предстали действительно те же шанежки, то же домашнее печенье и тот же мёд, цветом похожий на коровье масло.

— Мёд! — изумлённо вскрикнула Ольга и тут же посерьёзнела.

— Бери-бери, — потребовал Яков Антонович, — это за твою ротящность. Я тебя сразу заприметил, думаю: кто эта помощница, что всюду поспевает? Мне бы такую, а то...

Он внезапно осёкся, помолчал. И вдруг ни с того ни с сего рассердился:

— Я ведь что вам, бабы, скажу, вы не смотрите... ежели Ольга пристанет до меня — заместо отца и матери буду, в том моё верное слово. А уж там — решайте.

Он махнул рукой не то чтобы пренебрежительно, но довольно-таки грубо. Однако в ответ, будто от нечаянной ласки, сердца баб помягчили:

да мы-то что, Яков?.. Одно слово, народ, это она сама пускай решает.

Очень по душе пришлось Ольке, что Яков Антонович сразу её заприметил. Так по душе, что она едва не засмеялась вслух. По правде говоря, она рассчитывала, что её заприметят. Поэтому же, когда Яков Антонович потребовал, чтобы она брала, что пожелает, взяла не мёд (она не маленькая), а шанежку. Сердитость, с какою Яков Антонович вдруг ни с того ни с сего набросился на баб, её не удивила. Ольга сама не знает отчего, но тоже осерчала на них. Так что пока они рядились, она недолго думая ловко собрала гостинцы в марлевый узелок, потянула Якова Антоновича за рукав — идём. Он растерялся, суетясь, шкандыбнул к ней, хотел в избытке чувств погладить её мальчишескую головку, а Ольга подумала, что это от неуклюжести, поднырнула и проскочила под рукой. Потом оглянувшись, подбежала к сундуку и опустила торцовую ручку, за которую держалась, мягко так придавала вниз и вернулась.

— Ты уж, Геннадий, сам смотри, погрузите имущество — и в детдом. А сундук этот опорожнишь и назад привози, Ольга возьми его, ейный он, — твёрдо сказал Яков Антонович и посмотрел на сундук пристально, со значением, словно надеялся: что и сундук как-то оценит сказанное и запомнит. — Коломбину передашь: я им другой закажу, пусть размеры даст.

Неожиданно для Якова Антоновича Ольга прильнула к нему головкой, и они пошли. Людской коридор расступился, Сашка-музыкант по привычке вскинул к небу бельмастое лицо, рванул меха, сыпанул «Яблочко». Военная фуражка его с красным околышем опрокинуто-просительно легла здесь же, на траве. Яков Антонович остановился, зашарил по своим карманам, на что Сашка вдруг яростно замотал головой:

— Иди-иди, ничо не надо, — и так как Яков Антонович продолжал рыться в своих широких галифе, заматерился, прервал музыку. — Я же сказал: ничо не надо, я так играю, для праздника.

Пройдя несколько шагов, Яков Антонович оглянулся, как всегда, повернувшись всем туловищем, вместе с ним оглянулась и Ольга. Якова Антоновича заинтересовало: почему Сашка не играет? Однако, натолкнувшись на живую людскую стену молчаливого взгляда, позабыл о нём, подобрался, постоял, чувствуя неизъяснимо окрепшую веру в себя, глянул сверху вниз на Ольгу.

— Ужо я им...

Почему он так сказал, бог весть?.. В ответ она сдвинула брови и тоже пролепетала:

— Ужо...

И пряча головку за его рукой, тихо, почти беззвучно засмеялась. Он улыбнулся, и они пошли. Странное дело, но этот её почти беззвучный смех услышан был и народом. Сашка рванул меха, бабы зашевелились, вздыхая и поднося к глазам концы крестьянских выгоревших платков, а мужики, словно всё им нипочём, стали выкрикивать всякие весёлые ругательства, очень похожие на угрозы, в которых бабы улавливали одну только беззащитность да ранимость. И потому молчаливо заходились, заходились в ответ под юркое Сашкино «Яблочко».

Яков Антонович и Ольга пересекли вокзальную площадь, вошли в улицу. Они шли от одного двора к другому, и всякий раз, когда кто-нибудь вырастал из-за плетня, Яков Антонович останавливался, сообщал:

— Домой идём, с Олькой, помощницей.

Официальный сайт писателя
www.slipenchuk.ru